

Шэнь Мэнчжуан, совсем недавно погруженный в тревожные думы и глупые предчувствия, вдруг услышал тихий, еще совсем юный голос. Младший соученик ластился к нему, вымаливая прощение с такой детской непосредственностью, что вся напускная суровость мгновенно испарилась. Шэнь Мэнчжуан не удержался и тихо рассмеялся.

Умел же этот паршивец привлечь к себе внимание — злиться на него по-настоящему было просто невозможно.

Он уже потянулся к Прибору Отклика Чувств, собираясь ответить, но вовремя спохватился и отдернул руку. Нельзя быть таким бесхребетным! Стоит тому поманить, как он уже готов растаять? Тоже мне, нашли дрессированного щенка!

Твердо решив помучить мальчишку молчанием, Шэнь Мэнчжуан растянулся на постели и уставился в потолок. Нужно было хорошенько раскинуть мозгами и вспомнить сюжет романа «Правь на пути самосовершенствования»: вдруг в тексте отыщется хоть какая-то лазейка.

Но сколько он ни ломал голову, толку не было. Черт бы побрал эту дешевку! Все описанные в книге события крутились вокруг потемнения души Лу Цинюаня, а главное — в это время старшего соученика и близко не было рядом с будущим Демоническим владыкой. Да и логично: в оригинале после падения во тьму младший ненавидел Шэнь Мэнчжуана до глубины души. О каком совместном быте могла идти речь? Встретятся они тогда — и живым бы не ушел никто, спасли бы разве что сами боги.

Теперь-то все иначе. Шэнь Мэнчжуан не жалея сил трудился над заданиями системы, планомерно повышая уровень симпатии. Если успеть довести этот показатель до предела до того, как разум Лу Цинюаня поглотит тьма, то, возможно...

Хотя постой... А как же проклятый показатель мерзости?! Что будет, если в конце концов Лу Цинюань узнает всю правду? Спасет ли тогда эта выстраданная привязанность?

Человек, которого ты считал единственным защитником и искренне любил, на деле оказывается главным кукловодом, причинившим тебе больше всего боли. Окажись Шэнь Мэнчжуан сам в такой ситуации, он бы точно схватился за меч и самолично четвертовал бы эту тварь.

И все же, зная характер Лу Цинюаня... Если окружить его заботой сейчас, теплота прошлых дней может растопить будущий лед. Даже став безжалостным властелином Царства демонов, наделенным безграничной властью над чужими жизнями, спустя годы он, возможно, вспомнит старшего брата добрым словом.

А если Шэнь Мэнчжуану удастся остаться подле него, он сделает все, чтобы удержать того от бессмысленной жестокости.

Вот только под силу ли ему изменить предначертанный финал?..

Пока Шэнь Мэнчжуан предавался безрадостным размышлениям, лежащий на подушке Прибор Отклика Чувств вновь слабо замерцал. Знакомый голос зазвучал опять — теперь в нем слышалась не столько обида, сколько мягкое, капризное упрямство.

«Старший брат, прошло уже больше двух часов!»

Шэнь Мэнчжуан невольно улыбнулся — скрывать радость не было никаких сил. Он взял прибор и поднес ближе, бережно поглаживая пальцем изящные узоры на корпусе.

— Лу Цинюань... — тихо выдохнул он.

Он произнес это имя медленно, пробуя каждый слог на вкус. Оно казалось одновременно близким и бесконечно чужим. В эту минуту Шэнь Мэнчжуан вдруг поймал себя на пугающей мысли: действительно ли мальчик, который так ласково вымаливал прощение, оставался прежним чистым юношей? Или в его душе уже расцвели темные цветы демонической природы, а перед старшим соучеником он лишь разыгрывал привычную роль беззащитного сироты?..

Но как бы там ни было, для него этот юноша оставался Сяо Цзю.

Пусть весь мир возненавидит его, пусть проклинает и плюет вслед — Шэнь Мэнчжуан будет тем, кто примет его со всей теплотой.

Раз это Сяо Цзю, больше никто не нужен.

«Старший брат, прошло уже три часа, а ты все еще молчишь...»

Перевернувшись на другой бок, Шэнь Мэнчжуан натянул одеяло по самый нос, упрямо продолжая хранить молчание. Но Прибор Отклика Чувств он из рук не выпустил, замерев в ожидании новой весточки.

«Старший брат, прошло еще три четверти часа!»

«Подумаешь, сорок пять минут, — лениво подумал Шэнь Мэнчжуан. — Совсем еще зеленый, терпения никакого».

«Старший брат, уже почти четыре часа!»

Шэнь Мэнчжуан снова тихо фыркнул, глядя на мерцающий Прибор Отклика Чувств. Какая же глупая, очаровательная преданность. Подумаешь, не отвечали ему четыре часа — а он уже извелся, точно заведенные часы, без умолку бубнящие под ухом.

Впрочем, каково это — быть для кого-то смыслом жизни, Шэнь Мэнчжуан, а точнее, Шэнь Мэн, чувствовал впервые.

В своем настоящем мире он был нелюдимым затворником. Старший сын в семье, где все внимание родителей без остатка поглощала годовалая сестренка. Дома его словно не замечали, да и в школе дела обстояли не лучше. Вечный одиночка, сторонящийся шумных компаний и общих праздников, он скользил по коридорам невидимой тенью. Взгляни его бывшие одноклассники на выпускной альбом, они бы, наверное, долго всматривались в его лицо, пытаясь вспомнить имя этого парня.

Никто никогда не интересовался, где он проводит вечера и что у него на душе. Да что там интересовался — его просто не брали в расчет. За всю жизнь он привык молча пережевывать обиды и тоску. Кому какое дело, сердится он или грустит? Уж точно никто не стал бы тратить время, чтобы вернуть ему хорошее расположение духа.

Так он и рос. Без близких друзей, без первой любви, бесконечно далекий от собственной семьи — серая, неприметная жизнь, лишенная ярких красок.

Но здесь, в теле Шэнь Мэнчжуана, все перевернулось. Юноша по имени Лу Цинюань хвостиком ходил за ним повсюду, не отпуская ни на шаг. Он ластился, выпрашивая похвалу, помнил каждую мелочь, которая нравилась старшему соученику, и улавливал малейшие перемены в его настроении задолго до того, как Шэнь Мэнчжуан сам успевал их осознать. А заметив тень грусти, разбивался в лепешку, лишь бы вернуть на его лицо улыбку.

И кто тут еще кого опекает?..

Шэнь Мэнчжуан задумчиво прикрыл глаза. Не будь всех этих дурацких системных заданий, остался бы он просто адептом Школы Таинственной Лазури и старшим соучеником Лу Цинюаня — заботясь о нем, защищая его от невзгод, — их жизнь текла бы безмятежно и счастливо.

Вспышка на приборе заставила его встрепенуться. Голос младшего прозвучал тихо и вкрадчиво.

«Старший брат, я пошел на рынок за продуктами. Смотри не сбеги без меня!»

Трактирная стряпня казалась слишком острой, а Шэнь Мэнчжуан всегда предпочитал пресную пищу. Лу Цинюань прекрасно знал об этой слабости и потому решил приготовить ужин самостоятельно. Еще на Пике Безмолвной Пустоты он каждое утро варил для старшего соученика рисовую кашу, а готовясь к спуску с горы, тайно выучил несколько новых рецептов, мечтая порадовать его домашней едой.

Прошло около часа с тех пор, как Лу Цинюань ушел. Шэнь Мэнчжуан, истомившись от безделья на жесткой постели, невольно начал раздражаться. Сколько можно выбирать зелень?

Сжимая в ладони прибор, он преданно ждал ответа. Наконец огонек мигнул — долгожданная весточка пришла.

«Старший брат, я вернулся! Купил картофель — твой любимый»

«Будто сам его не обожаешь».

Шэнь Мэнчжуан мысленно ворчал, но на душе разлилось приятное тепло, растопив последние крупницы недовольства.

«Старший брат, я случайно разбил тарелку... Ты не будешь на меня ругаться?»

«Конечно буду! За разбитую посуду трактирщику придется платить из нашего кармана! — ворчливо подумал он. — Но если начну отчитывать, ты же весь изведешься... Ладно, запишем в долг».

«Старший брат, я все склеил! Вышло кривовато, но, пожалуйста, не сердись»

«Поздно, проступок уже занесен в свиток грехов».

«Старший брат, масло на сковороде так сильно шипит...»

«Не обжегся ли?» — мгновенно кольнула тревога.

«Все почти готово, подожди еще совсем чуть-чуть»

«Хорошо, жду».

«Старший брат, ужин готов! Я оставил поднос у твоих дверей, скорее забирай, пока не остыло!»

Шэнь Мэнчжуан кубарем скатился с постели. Желудок за целый день голодовки сжался в комок, и терпеть больше не было сил.

Лу Цинюань аккуратно опустил деревянный поднос на пол перед комнатой, а сам отошел чуть в сторону и привалился спиной к стене. Спустя мгновение дверь со скрипом приоткрылась. В узкую щель просунулась тонкая бледная ладонь. Она смешно пошарила по полу, нащупала край подноса, ухватила его и мгновенно утащила внутрь. Дверь захлопнулась с глухим стуком, словно ничего и не было.

Наблюдая за этой «кражей» со стороны, Лу Цинюань не выдержал, уткнулся лицом в колени и

тихо рассмеялся. Порой старший соученик вел себя сущим ребенком, и это было невероятно мило.

Шэнь Мэнчжуан водрузил поднос на стол. Дразнящие ароматы домашней еды мигом заполнили комнату. Слюнки потекли рекой; отбросив всякие приличия, он схватил палочки и принялся уплетать ужин за обе щеки.

Прибор Отклика Чувств на краю стола вновь мягко замерцал, донося гордый голос младшего.

«Старший брат, сегодня у нас тушеный картофель с мясом! Я готовил его впервые, так что не суди строго. Сначала я нарезал картошку крупными ломтиками, потом взялся за мясо, а когда оно дошло до готовности, смешал все вместе. Положил всего ложку соли и ни крупички сахара — знаю же, что ты не любишь сладкое. Если тебе понравится, в следующий раз приготовлю картофельные лепешки! Для них нужно сначала сварить картофель, очистить от кожуры, а затем размять в нежное пюре...»

Слушая, как Лу Цинюань с упоением профессионального повара расписывает свои кулинарные изыски, Шэнь Мэнчжуан едва сдерживал смех. Чтобы не выдать себя, он напустил на себя строгий вид и буркнул в прибор:

— Растрещался на всю комнату. Есть мешаешь.

После этой короткой отповеди прибор наконец погас. В комнате воцарилась блаженная тишина, и Шэнь Мэнчжуан смог спокойно продолжить трапезу.

Но тишина затянулась. Лу Цинюань больше не проронил ни звука. Шэнь Мэнчжуан то и дело косился на молчаливый прибор, гоня палочками остатки еды.

«И впрямь замолчал? Неужели обиделся от пары слов? Тоже мне, неженка».

Тем временем Лу Цинюань продолжал сидеть в коридоре, прислонившись к стене и глядя на возшедшую в ночное небо полную луну. Стрелка воображаемых часов близилась к восьми вечера — старший соученик уже наверняка закончил с ужином.

Шэнь Мэнчжуан доел все до последней крошки и сыто прикрыл глаза. Стоило ему отложить палочки, как прибор снова ожил.

«Старший брат, если ты закончил, выстави посуду за дверь, я все помою»

Шэнь Мэнчжуан вздрогнул от неожиданности и затравленно огляделся по сторонам, даже заглянул под стол, приподняв скатерть.

«Он что, подглядывает за мной?»

Створка двери вновь бесшумно приоткрылась, бледная рука осторожно выставила пустой поднос на порог и поспешно скрылась в полумраке комнаты. Дверь захлопнулась с прежней поспешностью.

Дождавшись щелчка замка, Лу Цинюань поднялся на ноги и подошел забрать посуду.

«Старший брат, я пошел мыть посуду!»

— Давай уже, — тихо отозвался Шэнь Мэнчжуан.

Сбросив верхнее одеяние, Шэнь Мэнчжуан растянулся на постели в исподнем. Он вертел Прибор Отклика Чувств так и эдак, поглядывая на зашторенное окно. Минуту добрых сорок минут. Неужели мытье трех тарелок может занимать столько времени? Или эта штука просто приказала долго жить?

Заподозрив поломку, он пару раз легонько хлопнул по корпусу ладонью — старый проверенный способ починить любую непослушную вещь, будь то древний артефакт или советский телевизор.

Но Прибор Отклика Чувств по-прежнему не подавал никакой реакции. Утомившись держать руку на весу, Шэнь Мэнчжуан повернулся на бок и спрятал прибор под щеку, крепко сжимая его в ладонях. Сам себе он, конечно, ни за что бы не признался, что ждет весточки от младшего соученика. Ему просто было любопытно, что еще выкинет этот несносный мальчишка.

Закончив с домашними делами, Лу Цинюань у себя в комнате тоже лег в постель. Он бережно сжимал свой прибор обеими руками, нежно поглаживая его гладкую поверхность, словно касался теплой щеки старшего соученика. Интересно, злится ли тот до сих пор?..

Ночь окончательно вступила в свои права. На часах близился час Свиньи — время сна. Наверняка старший брат уже давно видит десятый сон, но выпускать прибор из рук совсем не хотелось.

Прибор соскользнул на подушку. Шэнь Мэнчжуан так и не дождался звуков с той стороны. Веки налились свинцом, сознание медленно уплывало в туманное забытие. И в тот самый миг, когда он уже готов был провалиться в глубокий сон, тихий шепот коснулся его слуха — нежный, как прикосновение легкого перышка к самому сердцу.

«Доброй ночи, старший брат. Я весь день думал только о тебе...»

Простая, сокровенная фраза гулким ударом колокола отозвалась в груди Шэнь Мэнчжуана.

Он резко сел на постели, широко распахнув глаза. Сердце зашлось в бешеном, неистовом ритме, готовое вот-вот пробить ребра. Что... что этот паршивец только что сказал?!

«Черт... Кажется, я пропал...»

<http://bllate.org/book/20579/2181763>